

Убедившись, что больше ничто не мешает сдвинуть бетонный блок, Чжао Сунхань снова вогнал в щель лом и, приложив усилия пару раз, наконец отвалил его в сторону.

Женщина нетерпеливо протиснулась в открывшийся лаз, и тут же раздался её испуганный вскрик:

— Ах... Дорогой, что с тобой?!

Сердце Чжао Сунханя сжалось: неужели с теми, кто внутри, что-то случилось?

Однако последовавшие за этим слова рассеяли его сомнения. Низкий мужской голос произнёс:

— Всё в порядке, просто придавило, не могу пошевелиться. Помогите убрать то, что сверху.

Девушка и Чжао Сунхань тоже пролезли в проём. Чжао Сунхань увидел, что в пяти-шести метрах от входа под рухнувшим стеллажом лежит мужчина. Хотя сам стеллаж был не слишком тяжёлым, мужчина лежал лицом вниз, и его прижало так, что видны были только голова и руки. О том, чтобы сдвинуть полку силой одних рук, не было и речи — да даже будь у него такая мощь, ему элементарно не упираться, так что сам он выбраться никак бы не смог.

Женщина изо всех сил пыталась приподнять стеллаж, но ей явно не хватало сил. Чжао Сунхань и девушка поспешили ей на помощь, и втроем они без особого труда откатали преграду в сторону.

Женщина бросилась вперед, подхватила придавленного мужчину, и тот поднялся на ноги. Немного поразмяв руки и ноги, он понял, что не пострадал. Сразу за ним из того же небольшого лаза выбрался другой, более молодой мужчина. Судя по всему, первый пытался вылезти наружу через узкий проход, когда его накрыло упавшим стеллажом прямо у самого выхода, из-за чего парень позади никак не мог ему помочь. Не будь рядом посторонних, этих двоих, пожалуй, так и заперло бы там насмерть.

Чжао Сунхань молча стоял в стороне, наблюдая за искренним проявлением чувств между четырьмя людьми, и чувствовал немалое облегчение. За последнее время он повидал слишком много кровопролития, слишком много трагизма и слишком много холодного равнодушия. В его сердце помимо гнева, ненависти и отчаяния осталось лишь глухое оцепенение, но сейчас, видя это воссоединение после пережитой катастрофы, он почувствовал, как на душе немного полегчало.

Мужчине на вид было около тридцати пяти-тридцати шести лет, роста выше среднего. Телосложение крупное, но не мускулистое — во внешности угадывался некий академический склад. Покрытое пылью лицо отражало печать тяжёлой судьбы, в потухшем взгляде читались тоска и безысходность. Наверное, на душе у него было скребущей кошки на сердце, так что, хотя он изо всех сил старался выразить Чжао Сунханю благодарность как можно теплее, в его голосе всё равно звучали подавленность и одиночество.

Чжао Сунхань понимал его чувства: в нынешние времена мало кто способен сохранять лёгкость на душе. Мысленно вздохнув, он равнодушно бросил:

— Ничего страшного, пустяки, так и должно быть.

Подошли девушка со своим братом. Брат был ростом двадцати пяти-двадцати шести лет, примерно ровесник Чжао Сунханя. Высокий, красивый, в строгом тёмном костюме, который, хоть и покрылся толстым слоем пыли, всё равно подчёркивал его статную фигуру. Он улыбнулся Чжао Сунханю и сказал:

— Этот господин, огромное вам спасибо! Если бы не ваша помощь, нам бы пришлось туго.

Чжао Сунхань ничего не ответил, лишь слегка кивнул ему.

Ничуть не смутившись холодности Чжао Сунханя, брат девушки продолжил расспросы:

— Скажите, господин, вы ведь тоже пришли за провизией? Ах да, мы тут болтаем без умолку, а я до сих пор не спросил вашего имени. Я Линь Хун, а вас как звать?

— Меня зовут Чжао Сунхань. Внутри ещё осталась еда? — не отвечая напрямую, переспросил он.

— Ещё немного есть, подождите!

С этими словами Линь Хун развернулся и снова нырнул в узкий лаз. Вскоре он вылез обратно, волоча за собой тяжёлый большой пластиковый пакет. Через полупрозрачную пленку было видно, что внутри лежит добрая половина мешка съестного: печенье, ветчина, лапша быстрого приготовления и прочее — количество набралось немалое.

— Внутри осталось кое-что ещё, это место очень укромное, мало кто о нём знает. Господин Чжао, если вам нужно, забирайте это. Не знаю, хватит ли? — Линь Хун протянул большой пакет Чжао Сунханю.

— Я скоро отсюда уйду, мне много не нужно, возьму чуть-чуть.

Чжао Сунхань взял пакет, опустил на пол и развязал. Навскидку переложив кое-какие запасы в собственный рюкзак, он поднялся на ноги, окинул взглядом всю четвёрку и произнес:

— Ну, тогда на этом всё. Спасибо за еду, я пойду, а вы берегите себя.

Чжао Сунхань не хотел задерживаться здесь слишком долго. Пятеро человек вместе — это уже

крупная мишень, к тому же он пробыл здесь уже добрую часть времени, и неизвестно, не кружат ли снаружи монстры. Глядя на этих четверых доброжелательных людей, ему решительно не хотелось, чтобы на их глазах развернулись жестокие и кровавые сцены. Так что уйти как можно скорее, пожалуй, было лучшим решением.

Он уже повернулся, собираясь уходить, как вдруг женщина средних лет поспешно окликнула его:

— Господин Чжао, подождите!

Чжао Сунхань остановился и обернулся к ней. Женщина взбодрилась, улыбнулась и сказала:

— Господин Чжао, вы ведь наверняка проголодались, столько времени провозились. Если не брезгуете, пойдёмте к нам, поедим горячей стряпни. Вы нам так сильно помогли, нам даже неловко.

Недавнюю помощь Чжао Сунхань считал сущим пустяком, к тому же собеседники отдали ему столько еды — он был уже более чем доволен, но слова горячая стряпня заставили его засомневаться.

Горячая стряпня...

Это подзабытое слово царапнуло нервы Чжао Сунханя, во рту от сухости выделилась слюна, кадык рефлекторно дернулся, сглотнув, а в голове всплыли соблазнительные образы аппетитной еды.

Сколько же он не ел горячей пищи?

Кажется, с самого вторжения инопланетных монстров ничего подобного не пробовал.

— Да уж, братец Чжао, пойдёмте с нами. То, что готовит сестрица Лю, куда вкуснее вот этого, — раздался мягкий девичий голос.

Чжао Сунхань на мгновение замер, заглянул в искренние и дружелюбные глаза стоявших перед ним людей и кивнул.

Все пятеро забрали мешок с провизией, выбрались из руин супермаркета и двинулись по узкой тропинке на юг.

По дороге Чжао Сунхань узнал имена остальных троих. Младшую сестру Линь Хуна звали Линь Роу, ей было девятнадцать. Она полностью оправдывала своё имя — нежная и прекрасная. Если бы не вторжение этих монстров, она наверняка была бы окружена всеобщим вниманием, словно избалованный ангел.

Мужчину из супружеской пары звали Ли Сяожу, он был преподавателем биологии в университете, а его жену — Лю Сяолань, она работала редактором в издательстве.

Путь был небезопасным. Пятеро продвигались с предельной осторожностью, на ходу наспех представившись друг другу, так что поболтать особо не получилось.

Все четверо были местными и отлично ориентировались на местности. Линь Хун шел впереди всех, время от времени взбираясь на возвышенности у дороги, чтобы осмотреть окрестности. Чжао Сунхань же быстрым шагом следовал за остальными троими.

Пройдя минут двадцать, они оказались в густо застроенном жилом районе. Дома здесь были в основном в семь-восемь этажей, и лишь изредка между ними возвышались две-три высотки. Чжао Сунхань поднялся вслед за новыми знакомыми на десятый этаж одного из таких высоких зданий — здесь они и жили.

Оказавшись внутри, Ли Сяожу с женой перекинулись с Чжао Сунханем парой слов и сразу ушли на кухню. Линь Роу, казалось, сильно устала, поэтому молча присела на диван в стороне, а Линь Хун устроил гостю небольшую экскурсию.

На этом этаже было четыре квартиры, но теперь стены между ними пробили, объединив всё пространство в единое целое. К тому же дом имел сквозную планировку, а это значило, что из окон этой просторной квартиры можно было полностью контролировать обстановку во всех направлениях.

Внутри царил идеальный порядок, вся мебель и бытовая техника были на месте, однако из-за отсутствия электричества приборы превратились в бесполезный хлам.

Выглянув в окно, Чжао Сунхань заметил, что соседние дома не превышают восьми этажей, поэтому с десятого этажа открывался прекрасный обзор, и всё вокруг было как на ладони.

Во всем этом жилом районе почти не было широких проспектов — сплошные извилистые и тесные переулки. И хотя в целом эти улочки образовывали сетку и в конечном счете выводили на главные дороги по четырем направлениям, они, безусловно, отлично подходили для того, чтобы затеряться и сбежать в случае опасности.

Чжао Сунхань мысленно кивнул. Место оказалось удачным — оно прекрасно подходило для того, чтобы вовремя заметить монстров и спрятаться от них.

Линь Хун стоял рядом с Чжао Сунханем у окна, вглядываясь в пустые улицы снаружи. Мрачные тона, полуразрушенные здания, брошенные тут и там остовы машин — кругом царил настоящий постапокалиптический пейзаж.

Настоящего спасения больше нигде не осталось. По сравнению с другими местами это еще

ничего, по крайней мере, монстров можно заметить заранее, да и бежать отсюда удобнее. — Судя по всему, поддавшись гнетущей атмосфере вокруг, голос Линь Хуна звучал довольно мрачно. — Хозяйева этой квартиры, то ли погибли, то ли умудрились сбежать из города, но назад они так и не вернулись. После нашествия монстров мы с сестрой больше недели прятались по углам и бежали куда глаза глядят, а потом повстречали учителей Ли с женой. Они дружили с нашей семьей еще со времен наших родителей. Мы отыскивали это место и с тех пор живем здесь.

Разве они сюда не заявляются? — Линь Хун горько усмехнулся. — Чудища заглядывают сюда каждые пару дней. К счастью, местность здесь подходящая, да и кое-кто уже успел натянуть в окрестных переулках простейшую сигнализацию — например, натянутые над дорогой тонкие лески, соединенные с колокольчиками где-то вдаль, так что чужаков часто удается засечь заблаговременно. Как только появляются монстры, здешние жители бросаются врассыпную по близлежащим переулкам. И хотя жертвы все равно есть при каждом нападении, по крайней мере, шансов выжить куда больше. Наверное, поэтому многие до сих пор продолжают жить в этом районе. Помолчав немного, Линь Хун посмотрел на полумрачное небо и, то ли спрашивая Чжао Сунханя, то ли обращаясь к самому себе, произнес:

— Неужели человечество и вправду обречено на гибель?

Чжао Сунхань молча смотрел вдаль, не отвечая и не зная, что ответить.

Долгое время спустя Чжао Сунхань снова спросил:

— А ваши близкие? Они все потерялись?

Линь Хун на мгновение замолчал, горько улыбнулся и глухо ответил:

— Родители в Канаде, здесь, в стране, только мы с младшей сестрой. Понятия не имею, что с ними. Надо полагать, эти чудовища нагрянули не только в Китай... Будем надеяться, что они в безопасности.

Линь Хун чуть прикрыл глаза, словно молча молясь за родных.

— Что касается преподавателя Ли и его жены... — немного погодя вновь заговорил Линь Хун. — Их двухлетний сын неделю назад заболел и умер. Умер прямо у них на руках. Возможно, это была всего лишь острая пневмония, но лечить было негде... Они оба едва не сошли с ума.

Чжао Сунхань молча слушал. За то короткое время, что они провели вместе, он успел заметить в глазах этой пары почти отчаянную скорбь. Хоть они и изо всех сил пытались сдерживаться, под внешней тишиной скрывались два кровоточащих сердца.

Чжао Сунхань больше ничего не спрашивал, Линь Хун тоже молчал. Они оба стояли у окна, безмолвно глядя на серость, окутавшую весь мир.

На обед были лапша из пачки, сваренная с большим количеством зеленого лука, а капли масла плавали на поверхности бульона золотистыми кругами, источая манящий аромат.

В суп добавили редьку и картофель — пожалуй, сейчас только такие овощи, способные долго храниться и не гнить, и удавалось найти. Впрочем, в этой миске нашлось даже немного какой-то неведомой зеленой листвы, возможно, сорванной дикой зелени, но она была такой же сладкой и ароматной. Чжао Сунхань уже больше месяца не ел свежих овощей...

Все пятеро столпились вокруг стола. Они слишком долго не ели ничего горячего и ароматного, так что Чжао Сунхань принялся уплетать за обе щеки. Линь Роу с легкой улыбкой в уголках рта тихо произнесла:

— Братец Чжао, ешьте побольше, сестрица Лю очень вкусно варит лапшу. Лю Сяолань (Лю Сяолань) посмотрела на слегка растерянный вид Чжао Сунханя, и в ее глазах промелькнуло облегчение:

— Да, ешьте побольше. Руки-то у меня золотые, мой сынишка Маомао больше всего на свете любил мою стряпню...

Речь Лю Сяолань внезапно оборвалась. Палочки Ли Сяожу замерли у самого рта, лица брата и сестры Линь тоже помрачнели, и все они испустили тихий вздох.

Прежде столь уютный обеденный стол в одно мгновение окутало густой скорбью.

— Простите... — Лю Сяолань закусила губу и выдавила сквозь слезы. Она закрыла лицо обеими руками, но слезы неудержимо катились между пальцами...

Ли Сяожу медленно опустил пиалу с едой и обнял жену за плечи. Он не плакал, но в его глазах зияла лишь бесконечная серость. На уже немолодом лице залегли следы суровости и душевной боли; он ничего не говорил, лишь крепко прижимал к себе супругу.

Чжао Сунхань тоже молчал, продолжая есть лапшу, но некогда сладковатое блюдо теперь казалось горьковатым...

Во второй половине дня никто больше не выходил наружу. Все сидели в комнате, но ни у кого не было настроения разговаривать. Линь Роу тихо и послушно сидела в сторонке; душевное состояние Лю Сяолань никак не могло прийти в норму, она все продолжала тихо плакать. Никто не знал, как ее утешить, и лишь Ли Сяожу молча сидел рядом с ней. Линь Хун и Чжао Сунхань то и дело подходили к окну, чтобы понаблюдать за обстановкой вокруг, а в остальное время тоже молча сидели на местах. Атмосфера в комнате царила тяжелая и давящая.

Постепенно стемнело, прошел еще один день. Завтра рано утром Чжао Сунхань собирался продолжить путь на север по первоначальному плану. Переночевать здесь — в тепле, с едой, нормальной кроватью и постелью — было лучшим условием за последнее время, но на душе у него скребли кошки, и настроение было мрачнее некуда.

Ночью трое мужчин по очереди несли дозор. Чжао Сунхань заступил на первую смену, около двух часов ночи передал вахту Ли Сяожу, после чего нашел свободную комнату и прилег прямо в одежде. Заснуть толком не получалось, приходилось спасаться той самой техникой успокоения сердца. Едва он погрузился в полусон, как его тут же разбудил глухой шум, доносившийся издалека.

Звуки были не слишком громкими: хотя ночной город, лишенный привычного шума машин и толпы, пугал своей тишиной, все же это доносилось лишь смутным эхом. Однако смертоносная борьба за выживание в последнее время развила у Чжао Сунханя предельную бдительность.

Он молниеносно вскочил, выбежал из комнаты к окну, откуда доносился шум, и увидел, что Ли Сяожу уже стоял там, высматривая что-то в армейский прибор ночного видения. Говорили, что этот прибор они нашли на трупе погибшего военного; в ночных условиях от него была огромная польза, но зарядить его было негде, и батарейки после разрядки стали бы бесполезны, поэтому Ли Сяожу с товарищами берегли его пуще глаза.

Линь Хун тут же выскочил из своей комнаты, и все трое уставились в сторону источника шума. Ночь стояла глухая, на темном небе не было ни звезд, ни луны, город без огней казался мертвым, и в поле зрения едва угадывались лишь смутные очертания зданий.

Впрочем, зарево пожара в ночи выделялось особенно резко.

Где-то на юге, примерно в двух-трех километрах отсюда, в каком-то многоквартирном доме из почти каждого окна вырывались оранжево-красные языки пламени. Черные столбы дыма вздымались в ночное небо подобно зловещим драконам, устремляясь напрямик к небесам. На фоне огня хаотично металась какие-то человеческие фигуры, напоминая растревоженных муравьев на раскаленной сковородке.

Неподалеку от полыхающего здания силуэт паукообразного монстра выглядел в отсветах пламени еще более свирепым и жутким. Чудовище неторопливо шагало вперед, а из удерживаемого им энергетического оружия то и дело вырывался бледно-красный луч. Стоило этому лучу настигнуть беглеца, как тело несчастного мгновенно вспыхивало факелом и горело до тех пор, пока от него не оставалась лишь горстка пепла.

Монстр снова развлекался бессмысленной бойней!

Чжао Сунхань видел такое не впервые. Энергетическое оружие чудовищ, должно быть, имело настройки: в подобном режиме оно поджигало эффективнее любого огнемета, и твари нередко устраивали пожары чисто ради развлечения. Нынешняя сцена была лишь очередным повторением пройденного.

— Черт побери! Почему мы не заметили монстра раньше? — с легким раздражением выкрикнул Линь Хун.

— Возможно, они обратили на это место внимание уже давно, они вовсе не глупы, — мрачно бросил Ли Сяожу. — Живо разбудите их, еще успеем уйти.

Линь Хун бросился к двери комнаты Лю Сяолань и Линь Роу, отчаянно забарабанив в нее. Спустя пару секунд дверь отворилась — они тоже не раздевались перед сном.

Похоже, подобное положение дел четверке приходилось переживать не впервые. Каждый из них быстро запихал еду и самые необходимые вещи в заранее заготовленные рюкзаки, и уже через две минуты они были готовы тронуться в путь.

Девятая глава: Ухань (часть 7)

Чжао Сунхань только успел закинуть за спину свой рюкзак, как к нему подошел Ли Сяожу и протянул пистолет. Чжао Сунхань на мгновение замер, бросив взгляд на спутников, и с удивлением заметил, что за спинами у Ли Сяожу и Линь Хун висят автоматические винтовки. Какой смысл в огнестрельном оружии? Против монстров пушки были совершенно бесполезны, и Ли Сяожу не мог этого не знать.

Спорить он не стал, молча взял пистолет и слегка кивнул в знак благодарности, после чего следом за остальными бросился к лестнице.

Вторжение инопланетных чудовищ стерло с лица земли весь прежний порядок человеческого общества, и все выжившие теперь отчаянно цеплялись за жизнь. Кое-кто еще сохранял человеческое достоинство и крохи внутренней совести. Но многие другие окончательно пали до состояния рабов выживания: превратившись в ходячих мертвецов, они жили лишь ради того,

чтобы жить. Ни морали, ни чувств — если что-то сулило им хоть малейшую выгоду для выживания, они без колебаний шли на любые подлости. Ради крошки еды они могли отобрать ее у голодного малыша; ради шанса на спасение бросали собственных жен, детей и родителей; а порой, под любым надуманным предлогом, расправлялись со своими сородичами еще более жестоко, чем инопланетные монстры...

Против таких людей пистолет был как раз кстати.

Ли Сяожу держал за руку Лю Сяолань, Линь Хун вел за руку Линь Роу, и все пятеро во всю прыть помчались вниз по лестнице, а затем рванули на север, подальше от ужасного монстра.

Бегство под тусклым светом звезд по почти непроглядно глухим и узким улочкам отдавалось в ушах тяжелым топотом и сбитым дыханием, а доносящиеся сзади смутные крики ужаса леденили кровь.

По этому переулку бежали не они одни: еще двое мужчин мчались впереди них метрах в сорока-пятидесяти, а судя по звукам, где-то рядом находились и другие люди.

Чжао Сунхань бежал впереди всех, но стоило ему завернуть за девяностоградусный угол, как он резко замер как вкопанный.

Перед ним лежала относительно широкая и прямая улица, служившая главной артерией для выхода из этого жилого массива в северном направлении. Все разветвленные вокруг улочки в конце концов сходились здесь, из-за чего этот проход неизбежно становился единственным путем к отступлению. Однако в этот самый момент на другом конце улицы, всего в двух-трехстах метрах от них, из-за угла здания вырулил жуткий паукообразный монстр, перекрыв дорогу на самом ее середине участка.

Чудовище появилось настолько внезапно, что бежавшие впереди двое мужчин даже не успели среагировать. Пока не вспыхнул красный луч, превративший верхнюю половину тела одного из беглецов в разлетающиеся брызги крови и мяса, второй мужчина резко остановился. Быть может, он оцепенел от столь внезапной и жестокой развязки, а потому забыл броситься наутек, продолжая тупо стоять и пялиться на окровавленные останки товарища. Впрочем, раздумывать ему долго не пришлось: другой алый луч начисто оторвал ему правую ногу по самое основание.

<http://bllate.org/book/21112/2142537>